

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

UDC 343.14

LBC 67.410.204.0

Submitted: 30.03.2025

Accepted: 04.07.2025

ON THE CLASSIFICATION OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND THE SPECIFICS OF THEIR CONDUCTING IN THE CRIMINAL PROCESS

Alexander E. Epifanov

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article presents a comprehensive analysis of the concept, system, and classification of investigative actions in the criminal procedure of the Russian Federation. The **purpose** of the research is to clarify legal definitions, identify regulatory conflicts, and propose models for unifying the procedural form that ensures the completeness, admissibility, and verifiability of evidence. Based on formal legal, systemic, comparative, and logical-structural methods, the author compares the provisions of the Criminal Procedure Code, law-enforcement practice, and doctrinal positions of scholars, noting discrepancies between statutory regulation and the practical needs of pre-trial investigation. The study substantiates the necessity of a systemic classification of investigative actions according to purpose, object of influence, subject of execution, level of intrusiveness, and evidentiary significance. Particular attention is given to the digital transformation of evidence gathering, including remote forms of obtaining information, audiovisual recording of investigative actions, and the use of specialized technical means. **Scientific novelty** lies in clarifying the content of the category “investigative action” and proposing to include in its system procedures possessing independent evidentiary value – the interrogation of a specialist and the interrogation of a witness-attesting person as structurally formalized variants of interrogation with established procedural guarantees. The **practical value** of the results consists in developing criteria for classifying procedures as investigative actions, improving documentation algorithms, and proposing amendments to the Criminal Procedure Code aimed at unifying qualification, minimizing evidentiary risks, and increasing the effectiveness of pre-trial proceedings. The **empirical basis** is an analysis of regulatory sources, judicial decisions of higher courts, and the practices of preliminary investigation bodies, which allowed us to identify common qualification errors and regulatory gaps. It is proposed to establish universal requirements for digital recording, standardize protocols, clarify the list of investigative actions, and develop methodological recommendations for investigators, inquiries, and courts. The expected result is improved quality of evidence and the predictability of judicial practice.

Key words: investigative actions, criminal process, evidence, interrogation, system of investigative actions, criminal procedure legislation, specialist, witness, investigation of crimes.

Citation. Epifanov A.E. On the Classification of Investigative Actions and the Specifics of their Conducting in the Criminal Process. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 100-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

УДК 343.14

ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 30.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Егорович Епифанов

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: статья посвящена комплексному анализу понятия, системы и классификации следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации. **Цель** исследования – уточнить дефиниции, выявить коллизии регулирования и предложить модели унификации процессуальной формы, обеспечивающей пол-

ноту, допустимость и проверяемость доказательств. На основе формально-юридического, системного, сравнительно-правового и логико-структурного **методов** автор сопоставляет положения УПК РФ, правоприменительную практику и позиции процессуалистов, фиксируя расхождения между нормативным описанием институтов и фактическими потребностями предварительного расследования. Обоснована необходимость системной классификации следственных действий по целям, объекту воздействия, субъекту производства, уровню инвазивности и результатам, значимым для доказывания. Отдельное внимание уделено цифровой трансформации доказывания: дистанционным формам восприятия информации, фиксации следственных действий средствами аудиовидеозаписи и использованию специализированных технических средств. **Научная новизна** выражается в уточнении содержания категории «следственное действие» и предложении включить в систему процессы, обладающие самостоятельной доказательственной ценностью: допрос специалиста и допрос понятого как структурно оформленные разновидности допроса с заданными гарантиями и пределами исследования. Практическое значение **результатов** состоит в формировании критериев отнесения процедур к следственным действиям, алгоритмов процессуальной фиксации, а также рекомендаций по совершенствованию УПК РФ, направленных на единообразие квалификации, минимизацию доказательственных рисков и повышение эффективности досудебного производства. **Эмпирическую основу** составляют анализ нормативных источников, судебных актов высших судебных инстанций и практики органов предварительного расследования, что позволило выявить типичные ошибки квалификации и пробелы регулирования. Предлагается закрепить универсальные требования к цифровой фиксации, стандартизировать протоколы, уточнить перечень следственных действий и разработать методические рекомендации для следователей, дознавателей и судов. Ожидаемый результат – повышение качества доказывания и предсказуемости судебной практики.

Ключевые слова: следственные действия, уголовный процесс, доказательства, допрос, система следственных действий, уголовно-процессуальное законодательство, специалист, понятой, расследование преступлений.

Цитирование. Епифанов А. Е. К вопросу о классификации следственных действий и особенностях их производства в уголовном процессе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 100–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

Введение

Уголовное судопроизводство – важная деятельность правоохранительных органов, нацеленная на защиту лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Оно обеспечивает восстановление прав лиц, пострадавших от преступления, привлечение к ответственности виновных в совершении преступления лиц. Основу рассматриваемой деятельности составляет получение доказательств, основным способом их собирания выступают следственные действия. Нет ни одного уголовного дела, по которому они не проводились бы, комплекс их может меняться, но проведены могут быть только следственные действия из числа урегулированных законодательно, поскольку в настоящее время сложилась их устойчивая система. По своему содержанию и значению отдельные следственные действия существенно отличаются друг от друга, для каждого из них характерно собственное предназначение. Некоторые проводятся по каждому уголовному делу (например, допросы), другие – существенно реже, когда это продиктовано необходимостью полу-

чить определенные доказательства (например, следственный эксперимент).

Определить число проводимых следственных действий невозможно, такая статистика правоохранительными органами не ведется. Но при анализировании количества ежегодно расследуемых преступлений наблюдается следующее: в производстве следователей и дознавателей находится большое число уголовных дел, а по каждому из них в обязательном порядке проводится несколько следственных действий. Так, в 2024 г. было зарегистрировано 1 911 258 преступлений, расследовано 899 689 преступлений, из них в категории «предварительное следствие обязательно» – 1 163 026 преступлений, в категории «предварительное следствие необязательно» – 764 135 преступлений¹. Указанные статистические показатели дают понять, что ежегодно проводится огромное количество следственных действий.

Отличаясь содержанием, порядком проведения, предъявляемыми к ним процессуальными требованиями, следственные действия при этом обладают и определенной общнос-

тью, что и позволило объединить их в систему. Для всех них характерны обязательные признаки. В то же время, хотя регламентация следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве является достаточно детализированной, нельзя не отметить проблемы, возникающие при их производстве, а также сложности теоретического характера.

В настоящий момент нет единой позиции по вопросу о том, какие следственные действия образуют систему; идут дискуссии относительно необходимости расширения круга следственных действий, осуществляется поиск средств, которые позволили бы производить следственные действия более эффективно, о чем свидетельствует недавно появившаяся возможность использовать в этих целях видео-конференц-связь.

Вопросы, связанные с проведением следственных действий, надолго продолжают оставаться актуальными, привлекая внимание исследователей. Этой теме посвящены и фундаментальные труды – монографии, диссертации, где подробно исследовались вопросы проведения следственных действий, и отдельные научные статьи, характеризующие отдельные аспекты. Среди внесших существенный вклад в раскрытие данной темы можно назвать таких ученых, как А.А. Балашова, О.А. Бестаев, И.Б. Кулиев, А.Б. Коновалов, М.Г. Кузьмин, В.А. Семенов, Н.А. Тагирова, Е.С. Токаренко, З.Л. Шхагапсоев и др. При этом система следственных действий постоянно развивается, несмотря на некоторую присущую ей статичность, постепенно вводятся новые элементы, изменяются требования к их проведению, появляются новые возможности. Все это свидетельствует о теоретической значимости проведения дальнейших исследований выбранной темы, поэтому полученные результаты могут выступить предпосылкой к дальнейшим научным изысканиям.

Результаты исследования

Проблемы определения системы следственных действий и их видов тесно взаимосвязаны между собой, поэтому подлежат комплексному анализу. Нельзя не отметить дискуссионность этих вопросов, так как в научном сообществе нет единого понимания сис-

темы следственных действий. Объяснить спорность рассматриваемого вопроса можно тем, что законодатель не привел в УПК РФ четкого перечня следственных действий, нет отдельной главы, в которой все они были бы сосредоточены; фактически регламентированы лишь способы получения значимой для расследования информации, которые могут выступать как следственными, так и иными процессуальными действиями. Поэтому рассматриваемый вопрос достаточно актуален.

Проанализируем, какие в настоящее время имеются подходы к системе следственных действий, какие именно действия, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством, отнесены к ним. Предложения по поводу того, что должно быть рассмотрено в качестве следственных действий, отличаются большим разнообразием [5, с. 185]. Некоторые даже полагают возможным включить в их число процессуальные документы, связанные с движением по уголовному делу [10, с. 18]. Безусловно, в данном случае производится явное смешение процессуальных решений со следственными действиями, тогда как необходимо четко осознавать, что следственные действия всегда нацелены на получение доказательств, а процессуальные документы имеют лишь обеспечительную роль в производстве по уголовному делу.

Есть мнение о том, что «можно выделить четырнадцать следственных действий: допрос, очную ставку, предъявление для опознания, обыск, осмотр, освидетельствование, задержание, наложение ареста на имущество и на корреспонденцию, выемка, следственный эксперимент, эксгумацию, получение образцов, экспертизу» [3, с. 376]. В данном случае возможно обозначить ряд недостатков в подходе автора к определению системы следственных действий, среди которых: отсутствие аргументации, почему именно указанные действия отнесены к числу следственных; не-включение в число следственных действий тех, которые несут доказательственное значение (ст. 186, 186.1 УПК РФ); включение в число следственных действий мер процессуального принуждения (наложение ареста на имущество, задержание).

Дискуссионным остается вопрос об отнесении к следственным действиям задержа-

ния лица, подозреваемого в совершении преступления, наложения ареста на имущество, процедуры эксгумации останков и получения образцов для проведения сравнительных исследований. Некоторые правоведы настаивают на включении задержания в категорию следственных действий. В поддержку своей позиции они указывают на то, что процедура задержания подозреваемого демонстрирует все характерные признаки, присущие следственным действиям [11, с. 188]. Эту позицию мы не разделяем, полагая, что задержание не обладает познавательным характером, присущим всем следственным действиям, при задержании невозможно получить новые доказательства. В связи с этим следует поддерживать позицию о том, что задержание представляет собой меру процессуального принуждения [3, с. 376], тем более этот подход избрал и законодатель, разместив главу, регулиющую вопросы задержания, среди норм, регламентирующих вопросы применения мер процессуального принуждения. Дискуссионным также является вопрос о признании следственным действием наложения ареста на имущество. Но и здесь мы также полагаем, что законодатель правильно включил соответствующую норму в главу, посвященную иным мерам процессуального принуждения. Это полностью соответствует содержанию наложения ареста на имущество – обеспечить возмещение причиненного ущерба. Доказательства в ходе наложения ареста на имущество получены быть не могут [8, с. 17].

Нет единого мнения и по вопросу отнесения к следственным действиям процесса эксгумации. Существует научная точка зрения, согласно которой процедура эксгумации должна классифицироваться как следственное действие. Сторонники данной позиции аргументируют это структурным и функциональным сходством эксгумации с процедурой выемки [7, с. 39]. Однако принятие такой трактовки представляется проблематичным, поскольку выемка обладает специфическими познавательно-удостоверительными характеристиками, непосредственно направленными на формирование доказательственной базы по уголовному делу, в том числе на получение материальных доказательств. Данные свойства не в полной мере соответствуют приро-

де эксгумации [9, с. 133]. Примером может быть уголовное дело в отношении Р., который обвинялся в совершении открытого хищения чужого имущества. Производимое расследование позволило получить информацию о том, что Р. похищенный телефон подарил своей сестре М. Так как у следователя имелись достоверные знания о месте нахождения М. и о том, что телефон находится у нее, были фактические основания произвести выемку этого телефона. После вынесения постановления о производстве выемки было произведено следственное действие, телефон у М. изъят и приобщен к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Это доказательство нашло свое отражение и в обвинительном заключении, и в приговоре суда².

Выемка, будучи полноценным следственным действием, обладает самостоятельной доказательственной ценностью, позволяя установить, в чем распоряжении находятся значимые для расследования предметы и документы. Эксгумация же принципиально иная по своей природе. Она осуществляется в строго определенном месте, на кладбище, и сама по себе не генерирует новых доказательств. По сути, эксгумация представляет собой подготовительное, обеспечительное мероприятие, создающее условия для последующего проведения осмотра трупа или судебно-медицинской экспертизы. Именно результаты этих процессуальных действий, а не сама эксгумация, имеют доказательственное значение для уголовного дела. Таким образом, представляется нецелесообразным относить эксгумацию к категории следственных действий, учитывая ее вспомогательный характер и отсутствие самостоятельной доказательственной функции.

Не меньше вопросов возникает и по поводу отнесения к числу следственных действий получения образцов для сравнительного исследования [6, с. 38]. Научная полемика по этому вопросу характеризуется наличием противоположных позиций. Оппоненты включения данной процедуры в категорию следственных действий выдвигают аргумент о ее вспомогательной природе. Согласно их точке зрения, получение образцов представляет собой подготовительное мероприятие, лишенное самостоятельной доказательственной ценно-

сти. Они подчеркивают, что данная процедура служит исключительно для обеспечения возможности проведения судебной экспертизы, которая, в свою очередь, и является полноценным следственным действием. С другой стороны, сторонники признания за получением образцов статуса следственного действия опираются на принципиально иную логику. В основе их аргументации лежит утверждение о том, что сами образцы, полученные в ходе данной процедуры, уже являются доказательствами по делу. Следовательно, процесс их получения должен быть квалифицирован как полноценное следственное действие. Таким образом, научная дискуссия о процессуальном статусе получения образцов для сравнительного исследования отражает более глубокие теоретические разногласия относительно критериев классификации процессуальных действий в уголовном судопроизводстве [1, с. 102].

Полагаем, что более справедливой является точка зрения об обеспечительном характере этого действия и признании его процессуальным; сами по себе полученные образцы ничего не доказывают, они лишь сравнительный материал, используемый экспертом, чтобы сделать какие-либо выводы [2, с. 160].

При производстве различных следственных действий возникают проблемы процессуального и тактического характера, но все их раскрыть в рамках ограниченного объема данного исследования невозможно, поэтому выделим основные. При проведении каждого следственного действия должны быть соблюдены требования УПК РФ, так как их нарушение может привести к признанию полученных доказательств недопустимыми. Поэтому нельзя допускать подмены одного следственного действия другим или проведения некоторых следственных действий без наделения лица соответствующим статусом (например, не допустимо производить допрос потерпевшего без признания лица таковым на основании соответствующего постановления, как и допрос подозреваемого, если лицо не наделено соответствующим статусом).

Существует значительное число различных участников уголовного процесса, они имеют различные процессуальные статусы, которые оказывают влияние и на различные под-

ходы к их допросам. В то же время для некоторых участников не предусмотрены отдельные подвиды следственных действий. Так, давно известны такие подвиды допросов, как допрос потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и эксперта. При этом, отдельно выделив допрос эксперта, законодатель по непонятной причине не занял той же позиции по отношению к допросу специалиста, хотя выделил его в качестве отдельного доказательства. Отдельной нормы, регламентирующей допрос специалиста, нет. И это порождает разные подходы и в правоприменительной практике, и в научном сообществе, поскольку нет единой позиции, каким образом должно производиться это следственное действие. Поэтому в практике можно встретить допросы специалиста в качестве свидетеля, эксперта и в качестве специалиста, разрабатывая для этого отдельный бланк.

Полагаем, что распространенный подход к допросу специалиста в качестве свидетеля объясним разъяснениями высшей судебной инстанции: «Специалист, участвовавший в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля»³. Но многие авторы считают, что ошибочно проводить допрос специалиста как эксперта или свидетеля [4, с. 46]. Полагаем, не представляется обоснованным в настоящее время рассматривать допрос, оформленный по разработанному бланку, в качестве самостоятельного следственного действия.

Наша позиция заключается в том, что при отсутствии самостоятельной нормы, регламентирующей допрос специалиста, эту проблему разрешить будет невозможно, поскольку так и будут возникать ситуации, когда правоприменительная практика будет существенно различаться. Единственным выходом является закрепление в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей особенности допроса специалиста, точнее, двух отдельных норм по аналогии с допросом эксперта, которые бы регламентировали допрос специалиста на досудебной и судебной стадиях.

Следующий актуальный вопрос – получение такого доказательства, как показания понятого. В качестве отдельного следственного действия допрос этого участника по делу не предусмотрен, поэтому в правоприменительной практике также нет четкого понимания, каким образом производить его допрос. По общему правилу понятой допрашивается в качестве свидетеля, но мы не считаем возможным признать это правильным по причине того, что предмет показаний указанных лиц различается, как и их процессуальный статус. Фактически понятой не обладает сведениями об обстоятельствах расследуемого события, он лишь вспомогательный участник некоторых следственных действий, правильность которых удостоверяет, и допрошен может быть лишь относительно этого аспекта. В частности, у понятого могут быть выяснены вопросы о том, не был ли нарушен порядок производимого следственного действия, не поступали ли замечания, заявления, которые не были внесены в протокол и учтены при производстве следственного действия, не были ли искажены данные, внесенные в протокол следственного действия. Например, по уголовному делу в отношении Д. последний отрицал свою причастность к незаконному хранению наркотических средств в ходе обыска, утверждая, что понятые, которые присутствовали при обыске, не наблюдали всех действий следователя, находились в коридоре и в комнату не входили, воспользовавшись этим, следователь «подбросил» ему наркотики. Для того чтобы опровергнуть или подтвердить показания Д., следователь принял решение произвести допросы в присутствии свидетелей А. и Ж., которые принимали участие в обыске в качестве понятых. Указанные лица в ходе допроса опровергли показания Д., пояснив, что постоянно находились рядом со следователем, наблюдали момент обнаружения и изъятия наркотического средства в комнате под ковром. Следственное действие было произведено без нарушений⁴.

Приведенный пример подтверждает тот факт, что предмет показаний понятого образуют обстоятельства производства конкретного следственного действия. Поэтому считаем, что допрос понятого должен быть самостоятельным следственным действием,

отдельно регламентированным, с введением в УПК РФ соответствующей нормы, содержащей указания на предмет допроса понятого, а также его права и обязанности в ходе этого следственного действия. Такой подход не повлечет существенных изменений в действующем законодательстве, не приведет к тому, что система следственных действий будет расширена за счет новых, еще неизвестных российскому уголовному процессу, по поводу чего нередко исследователи высказывают опасения, полагая, что действующая система зарекомендовала себя с положительной точки зрения. Однако это предложение, направленное на расширение числа подвидов допроса, по нашему мнению, будет иметь положительный эффект, поскольку различные подходы в правоприменительной практике всегда создают сложности, а смешение следственных действий нам кажется неверным, когда при различиях в предметах показаний разные, по сути, участники уголовного процесса рассматриваются как обладающие одинаковым статусом.

Выводы

Таким образом, система следственных действий представляет собой совокупность следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Для исключения вопросов, возникающих по поводу того, какие процессуальные действия являются следственными, считаем целесообразным включить в УПК РФ норму, содержащую их перечень.

Необходимость совершенствования способов получения доказательств также требует расширения системы следственных действий. Полагаем целесообразным включить в нее новые виды допроса – таких участников, как понятой и специалист. Установление отдельных процессуальных требований к производству допроса специалиста и понятого позволит исключить смешение разных видов допроса и обеспечит единообразие в правоприменительной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/>

² Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 19 апреля 2020 г. по делу № 149/2020. URL: <https://sudact.ru/>

³ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

⁴ Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 22 сентября 2023 г. по делу № 1-92/2023. URL: <https://sudact.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяконова, О. Г. Получение образцов и проб для сравнительного исследования как процессуальное действие / О. Г. Дьяконова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4 (35). – С. 100–107.
2. Епифанов, А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе / А. Е. Епифанов // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 2. – С. 153–162.
3. Кулиев, И. Б. Система следственных действий и их значение для уголовного судопроизводства / И. Б. Кулиев // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 10 (149). – С. 376–377.
4. Куцепина, К. П. К вопросу о допросе специалиста / К. П. Куцепина // Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. ст. науч.-представит. мероприятий. – Рязань : Коняхин А.В., 2019. – С. 46–47.
5. Миликова, А. В. Актуальные проблемы документального оформления на стадии предварительного расследования / А. В. Миликова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 183–188. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25
6. Миликова, А. В. Документальное оформление как функция следователя в уголовном процессе / А. В. Миликова, Л. А. Яковлева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 35–41. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.5
7. Парада, С. С. Экстумация как следственное действие: актуальные проблемы теории и практики / С. С. Парада // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 1. – С. 39–43.
8. Россинский, С. Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения / С. Б. Россинский // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 14–20. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2
9. Францифоров, Ю. В. Понятие и правовая природа следственных действий / Ю. В. Францифо-

ров, Ю. Н. Царев // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства : сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В.Я. Чеканова. – Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2024. – С. 133–137.

10. Халили, У. Д. Понятие следственных действий и их место в системе процессуальных действий / У. Д. Халили // Правовестник. – 2018. – № 6 (8). – С. 17–24.

11. Шагапсоев, З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий / З. Л. Шагапсоев // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 186–190.

REFERENCES

1. Dyakonova O.G. Poluchenie obrazczov i prob dlya sravnitel'nogo issledovaniya kak processualnoe dejstvie [Obtaining Samples for Comparative Research as a Procedural Action]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 4 (35), pp. 100-107.
2. Epifanov A.E. K voprosu o preodolenii probelov i kollizij dejstvuyushchego zakonodatelstva v pravoprimeritel'nom processe [On the Issue of Overcoming Gaps and Conflicts of the Current Legislation in the Law Enforcement Process]. *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* [Paradigms of Management, Economics and Law], 2020, no. 2, pp. 153-162.
3. Kuliev I.B. Sistema sledstvennyh dejstvij i ih znachenie dlya ugovnogo sudoproizvodstva [The System of Investigative Actions and Their Significance for Criminal Proceedings]. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 10 (149), pp. 376-377.
4. Kucepina K.P. K voprosu o doprose specialist [On the Question of Questioning a Specialist]. *Aktualnye voprosy pravoohranitel'noj deyatel'nosti: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimereniya: sb. st. nauch.-predstavit. meropriyatij* [Current Issues of Law Enforcement: Problems of Theory, Rulemaking and Law Enforcement. Collection of Articles on Scientific and Representative Events]. Ryazan, Konyahin A.V., 2019, pp. 46-47.
5. Milikova A.V. Aktualnye problemy dokumentalnogo oformleniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Actual Problems of Documentation at the Stage of Preliminary Investigation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 183-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25>
6. Milikova A.V., Yakovleva L.A. Dokumentalnoe oformlenie kak funkciya sledovatelya v ugovnom processe [Documenting as an

Investigator's Function in Criminal Proceedings]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 35-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.5>

7. Parada S.S. Ekskumaciya kak sledstvennoe dejstvie: aktualnye problemy teorii i praktiki [Exhumation as an Investigative Action: Current Problems of Theory and Practice]. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami* [Current Issues in the Fight Against Crime], 2024, no. 1, pp. 39-43.

8. Rossinskij S.B. Sledstvennyj poryadok vydvizheniya obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve: prichiny vozniknoveniya [The Investigative Procedure for Bringing Charges in Criminal Proceedings: Causes of Occurrence]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 14-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2>

9. Franciforov Yu.V., Czarev Yu.N. Ponyatie i pravovaya priroda sledstvennyh dejstvij [The Concept and Legal Nature of Investigative Actions]. *Aktualnye problemy sovremennogo rossijskogo ugovnogo sudoproizvodstva: sb. nauch. st., posvyashh. pamyati prof. V.Ya. Chekanova* [Current Issues of Modern Russian Criminal Proceedings. Collection of Scientific Articles, Dedicated to the Memory of Prof. V.Ya. Chekanov]. Saratov, Sarat. gos. yurid. akad., 2024, pp. 133-137.

10. Halili U.D. Ponyatie sledstvennyh dejstvij i ih mesto v sisteme processualnyh dejstvij [The Concept of Investigative Actions and Their Place in the System of Procedural Actions]. *Pravovednik*, 2018, no. 6 (8), pp. 17-24.

11. Shhagapsoev Z.L. Ponyatie, vidy i priznaki sledstvennyh dejstvij [The Concept, Types and Signs of Investigative Actions]. *Obshhestvo i pravo* [Society and Law], 2013, no. 3 (45), pp. 186-190.

Information About the Author

Alexander E. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Zoyi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, mvddjaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, mvddjaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>